

Фэн Дунъюэ приподнял бровь и с улыбкой посмотрел на Юнь Мэнцзэ. На солнце его зубы сверкнули так ослепительно — хоть сейчас посылай сниматься в рекламе отбеливающей пасты.

— Что ты опять спрятал в карман? — с подозрением спросил Юнь Мэнцзэ.

Фэн Дунъюэ похлопал себя по груди и ехидно хмыкнул:

— Хочешь узнать?

Юнь Мэнцзэ мгновенно передумал:

— Оставь себе. И отвечать не надо.

Фэн Дунъюэ запустил руку в нагрудный карман и фокусническим движением извлёк оттуда алый, с капельками росы розан:

— Детка, ты сегодня просто прелесть. Стоило мне тебя увидеть — и в моём сердце распустился бутон.

Случайные зрители содрогнулись от такого напора пошлости и предпочли тихо испариться. У Юнь Мэнцзэ руки тоже покрылись мурашками.

— Господин Фэн, почему вы не пришли ко мне в кабинет?

Фэн Дунъюэ развёл руками, показывая на живописный пейзаж вокруг:

— Встречаться всё время в четырёх стенах — тоска смертная. Разве перенести наше свидание на свежий воздух — плохая идея?

Юнь Мэнцзэ даже не стал спорить по поводу «свидания»:

— Время сеанса строго фиксировано. Если не планируете приходить, хотя бы предупреждайте заранее.

— Ты первый бросил трубку! И после этого я должен приползать сам? — Фэн Дунъюэ принял картинную, невероятно соблазнительную позу. — Даже у мужчины с великодушием размером с океан бывают минуты, когда его нужно немного поласкать и утешить. Чего ты такой хмурый? Неужели приревновал? На самом деле мы с этими ангелами в белых халатах всего лишь обсуждали, где находится край Вселенной.

Юнь Мэнцзэ навеяло дурные предчувствия.

Губы Фэн Дунъюэ изогнулись в улыбке:

— И я сказал им: край Вселенной там, где заканчивается моя любовь к тебе.

Мурашки на коже Юнь Мэнцзэ уже не помещались и, кажется, падали градом на траву.

— Если возникнут непредвиденные обстоятельства, очень прошу извещать меня заранее. Я бы успел принять других пациентов.

Лицо Фэн Дунъюэ помрачнело:

— Тебе что, не хватает тех денег, что я перечисляю каждый месяц? Зачем ты продолжаешь таскаться по ресторанам с этими сальными пожилыми инвесторами? Они же просто хотят уложить тебя в постель через негласные правила! И только ты, наивная душа, принимаешь это за обычную работу.

«Какое ещё оказание услуг через постель?..»

Юнь Мэнцзэ решил, что разговор окончен, и вознамерился уйти, но Фэн Дунъюэ молниеносно преградил ему путь и одним движением сдёрнул с него очки.

Лишившись своего главного атрибута, Юнь Мэнцзэ тут же погрузился в размытый, туманный мир.

— Господин Фэн, что вы вытворяете?

Без очков взгляд доктора Юня казался подёрнутым дымкой и беспомощным. Так и подмывало сгрести его в охапку, взъерошить идеальную причёску, измять белоснежный халат и заставить эти туманные глаза заблестеть от слёз.

Фэн Дунъюэ по-детски поднял очки повыше, не давая дотянуться, и произнёс бархатным, низким шёпотом:

— Обожаю, как ты выглядишь без очков. Но ещё больше обожаю сам момент, когда ты их снимаешь. Точно так же я безумно люблю твою неприступность, от которой все поклонники сходят с ума... и без ума от того, как ты, дрожа, плачешь в моих объятиях. Ах, ты весь — от кончиков пальцев до самого сердца — сплошное искушение, и я просто не знаю, что с тобой делать.

Дежуривший неподалёку помощник Ли не выдержал и отвернулся, возведя очи к небу: смотреть на шефа в такие минуты было выше человеческих сил.

Юнь Мэнцзэ благополучно проигнорировал всю вторую половину тирады и с ангельским терпением проговорил:

— Чтобы сдёрнуть очки, нужно сначала их надеть. Верните.

— Верну, — Фэн Дунъюэ подался ближе. — Но только за поцелуй.

Разумеется, Юнь Мэнцзэ и не думал соглашаться:

— Мы в общественном месте, соблюдайте приличия. Отдайте очки, мне пора работать.

— Эх, всё такой же ледяной и жестокий... Но что поделать, если именно эта твоя неприступность меня и пленила? — протянул Фэн Дунъюэ с наигранным вздохом и, пусть и неохотно, протянул очки обратно.

Стоило Юнь Мэнцзэ взяться за оправу, как Фэн Дунъюэ стремительно наклонился и чмокнул его в щёку. А распрямившись, сияя довольной, победительной улыбкой, выдал:

— Что ж, тогда я поцелую тебя сам!

Рука Юнь Мэнцзэ так и замерла в воздухе. Несколько секунд он не шевелился.

Видя эти широко распахнутые от изумления глаза, Фэн Дунъюэ ощутил, как внутри всё зачесалось от желания сгрести доктора в охапку, зацеловать, повалить прямо на эту залитую солнцем мягкую траву и мять, пока его вечно невозмутимое лицо не потеряет всякий контроль.

Увы, замешательство Юнь Мэнцзэ длилось лишь мгновение. Он тут же вернул себе привычное спокойствие:

— Господин Фэн, держите себя в руках.

Фэн Дунъюэ попытался скрыть лёгкую досаду за циничным тоном:

— Я отваливаю тебе столько денег каждый месяц, а ты даже чмокнуть себя не даёшь?

— Вы про оплату лечения и содержания в стационаре? — сухо уточнил Юнь Мэнцзэ.

Фэн Дунъюэ изобразил полное непонимание:

— Хватит капризничать. Я же знаю, чего ты хочешь на самом деле. Поверь, пока ты со мной, я

тебя ничем не обижу.

Юнь Мэнцзэ едва не расхохотался:

— И чего же я хочу?

— Ты хочешь моей любви. Хочешь, чтобы я принадлежал тебе без остатка, чтобы ни в моём сердце, ни рядом со мной больше никого не было, — Фэн Дунъюэ выговорил это с такой уверенностью, будто зачитывал очевидный факт. — Ты хочешь владеть мной единолично.

После внезапного поцелуя Юнь Мэнцзэ и так был не в лучшем расположении духа, а уж глядя на эту довольную, напыщенную физиономию, и вовсе испытывал одно желание — посмеяться от души.

Но Фэн Дунъюэ и не думал останавливаться. Он картинно вздохнул:

— Увы, ты не один такой. Но судьба распорядилась иначе: я слишком влюбчив, чтобы отдать своё сердце кому-то одному. Я не могу принадлежать никому... Я — всего лишь охотник за любовью~

«Актёр погорелого театра. Корчит из себя ловеласа, хоть бы стыда постыдился...»

Юнь Мэнцзэ едва не затошнило тошнотворной фальшью этого спектакля.

— Угу. Вы абсолютно правы.

Видя, что его «маленький возлюбленный» наконец-то покорно со всем согласился, Фэн Дунъюэ решил сменить гнев на милость:

— Но я обещаю: ты всегда будешь для меня самым особенным.

На лице Юнь Мэнцзэ было написано полное отторжение:

— Жаль, что вы в моём сердце никакого особого места не занимаете.

У доктора Юня хватало работы, тратить время на сценический бред этого драматурга он больше не намеревался. Бросив эту фразу, он просто развернулся и ушёл.

— Опять ревнует, — Фэн Дунъюэ сунул руки в карманы и встал в эффектную позу. — Чао, детка~

Он провожал его взглядом, пока тонкая фигура не скрылась за поворотом. Лишь тогда улыбка сползла с его лица. От прежнего повесы, рассекавшего во все стороны электрические разряды, не осталось и следа. Взгляд Фэн Дунъюэ померк, выражение лица стало подавленным, и весь его облик захлестнула волна глубочайшего, почти физически ощутимого одиночества.

Он опустился прямо на траву, достал из внутреннего кармана солнцезащитные очки и нацепил их на нос. Медсёстры, с которыми он ещё недавно так непринуждённо флиртовал, проходили мимо и здоровались, но он, даже не поведя бровью, игнорировал их.

Наследник огромного состояния, обладатель дюжины громких титулов — внешне его жизнь казалась сплошным праздником: шлейф из поклонников, роскошные авто, толпа свиты по первому щелчку... Но в самой глубине души он был бесконечно одинок.

Одиночество это было особого, утончённого свойства, недоступное простым смертным. Если и пытаться выразить его словами, то разве что древней мудростью: «Пусть глупцы смеются над моим безумием, я лишь улыбнусь их слепоте».

Деньги его не прельщали, статус не трогал. Казалось, он жадно ищет острых ощущений и бросается во все авантюры, но на самом деле ни вещи, ни люди не могли по-настоящему увлечь его.

Так он и скитался по этому пёстрому, шумному миру — среди толпы, но в абсолютном одиночестве. Пока не встретил Юнь Мэнцзэ. И вот тогда он узнал, что значит стрела прямо в сердце. Узнал, что значит один-единственный взгляд из тысячи лиц. Узнал, как гаснут все остальные краски мира, едва встретишь ту самую любовь.

Этот неуловимый, ледяной и обжигающий, невыносимо дразнящий искуситель завладел всеми его мыслями. Ему приходилось не только вести тонкую любовную игру со своим Сяо Цзэцзэ, но и постоянно держать ухо востро, отражая атаки кучи назойливых соперников.

Это походило на танго под звуки «Por una Cabeza»: их тела то сплетались в объятиях, то разлетались в стороны, закручиваясь в безумном вихре, где никто не желал уступать. Шаг вперёд, шаг назад — и между ними всегда оставался всего один шаг. Один-единственный шаг, который каждый мог сделать в любой миг, но вместо этого оба продолжали эту изысканную пытку, эту игру в любовные недомолвки, пытались сломить волю соперника и взять его в плен.

Фэн Дунъюэ увяз в этом небывалом чувстве по самые уши. Единственное, что дерзко удерживало его на плаву — это умение плести ажурную словесную паутину и стойко хранить маску всемирно известного ловеласа, которому до всего на свете нет никакого дела.

И пусть его Сяо Цзэцзэ держится ещё холоднее, чем прежде — Фэн Дунъюэ никуда не спешил. Он вам не какой-нибудь истерик с хрустальным сердцем, способный лишь топтать ногами да брызгать слюной! Его любовь была гибкой и неумолимой: как бы Сяо Цзэцзэ ни дичился, он всё равно соблазнит его, чего бы это ни стоило.

Протосковав так минут пятнадцать, Фэн Дунъюэ мгновенно встряхнулся, вернув прежний вид. Сдёрнув очки, он ослепительно улыбнулся проходившей мимо медсестричке. Девушка не выдержала разряда в сотню тысяч вольт и, залившись краской, унеслась прочь. Фэн Дунъюэ подозвал Ли Юя и отдал серию распоряжений, на которые способен только истинный наследник миллиардной империи.

Закончив работу, Юнь Мэнцзэ вышел из кабинета и тут же заметил на себе шушуканья и хихикающие взгляды местных медсестёр — главных хранительниц больничных сплетен. Он догадался, что Фэн Дунъюэ наверняка успел наплести им очередной ахинеи, но не стал забивать себе этим голову.

Покинув главный корпус, он выждал паузу в работе автоматических поливалок и направился через газон прямо к общежитию, лишь бы не идти в столовую и не становиться гвоздём программы для сплетников. Не успел он проделать и пары десятков шагов, как его слух привлекло дерзкое бибиканье.

Обернувшись, Юнь Мэнцзэ увидел посреди проезда роскошный спортивный кар невероятно вызывающего, ядовито-красного цвета. Фэн Дунъюэ, выраженный по последнему слову моды, вился возле водительской дверцы: солнцезащитные очки на носу, в кармане пиджака — неизменная алая роза.

— Добрый вечер, детка! Я за тобой, — Фэн Дунъюэ с нескрываемым самодовольством принялся расписывать достоинства и цену этой машины: — Возглавляет топ-десять самых дорогих и быстрых суперкаров в мире. Ну как, нравится?

Юнь Мэнцзэ выслушал хвастовство с абсолютно невозмутимым лицом:

— Господин Фэн подался в продавцы автосалона?

— Это тебе, — Фэн Дунъюэ с улыбкой сдёрнул очки. Тон его был до того будничным, будто он дарил какую-то копеечную безделушку. — Поехали, прокачу с ветерком. Куда душе угодно?

«С таким успехом в дурке можно прокатиться только со сдвигом по фазе...»

— Сегодня вроде не День отца, к чему такая щедрость? — с колкой иронией бросил Юнь Мэнцзэ и прибавил шагу. Ещё пару минут в компании Фэн Дунъюэ — и отделение медсестёр взлетит от новых сплетен. — Я занят. Все разговоры завтра.

Но едва он сделал шаг, как газонные разбрызгиватели снова ожили: водяная пыль со свистом взметнулась в воздух, перекрывая пути к отступлению.

Фэн Дунъюэ с молниеносной ловкостью цапнул его за руку, прижал к дверце машины и упёрся ладонями в крышу, заслонив доктора своим высоким, мощным телом от плотной водяной

стены. Юнь Мэнцзэ оказался зажат в узком пространстве; подняв глаза, он упёрся взглядом прямо в его идеально гладкий, выбритый подбородок.

Наследник миллиардного состояния, промокнувший до нитки, стоял перед ним с каплями воды на кончиках волос, а в его глазах плескалась такая густая, нескрываемая страсть, что в этом образе проступал истинно порочный магнетизм. Дохнув влажной, обжигающей чувственностью, Фэн Дунъюэ наклонился к самому уху Юнь Мэнцзэ и понизил голос до бархатного полушёпота:

— Садись в машину. И я покажу тебе, кто здесь папочка.

<http://bllate.org/book/20119/1991971>